

ГЕННАДИЙ ПОЛОКА:

“Интервенция” – мой манифест

Недавно один знаменитый музыкант сказал, что искусство – это место, где нарушаются законы. Думаю, что “лира” Геннадия ПОЛОКИ, которому на днях исполнилось 75 лет, вполне вписывается в эту формулу. Полока слышал свою музыку и дышал каким-то особым воздухом. Так рождались “Республика ШКИД” и “Интервенция”, детектив “Один из нас” и “Возвращение броненосца”. Начальство пыталось его приструнить. Не вышло. Тогда его программное произведение “Интервенция” отправили в двадцатилетнюю ссылку – на кинематографическую полку. Хватало в жизни Геннадия Ивановича и других “веселеньких” эпизодов. Пожалуй, только вмешательство Ивана Пырьева спасло его от тюрьмы.

– В одной из статей ваша судьба была названа трагической. Чего было в вашей жизни больше: печального или радостного?

– Я всегда так стремился снимать, что не успевал над этим задуматься. Наверное, у меня украли больше, чем было даровано судьбой. Но тем не менее жизнь прекрасна. И искусство прекрасно. И когда я испытываю творческий подъем, это счастье.

– Вы – человек ироничный, остроумный. Как вы думаете, в ваших фильмах проявляются эти черты характера?

– Наверное... Но я никогда не стремился снимать смешные картины. Юмор возникает произвольно, естественным путем. Но почти во всех моих картинах – печальный конец, утраченные надежды, предчувствие трагедии. Возьмите “Возвращение броненосца”. Это крушение человеческой личности – чистой и благородной. Но ход всегда комедийный. Мне комедия, неожиданное начало, занимательность необходимы для того, чтобы завоевать доверие зрителей.

– Как получилось, что революционный фильм “Интервенция” был отправлен на полку?

– Уже тогда революционная тема людям стала надоедать, превратилась в ритуал. Я решил построить фильм на том, что революция – это предельно обостренная ситуация, в которую попадают герои. При этом, невзирая на каноны, я попытался сделать антижанровое зрелище, довести условность до предела. Получилось этакое антикино. Этот фильм я считаю своим манифестом. Но ме-

Г. Полоке – 75

ня обвинили в том, что “священные для каждого советского человека события показаны в недопустимой буржуазной форме”. А руководитель подполья, по их мнению, выглядел фиглярно и авантюристом. За это фильм и упрятали на полку. А в фильме “Один из нас” вместо тривиального детектива я решил сделать историю про Ивана-дурака, который в трудную минуту ведет себя достойно. Я уверен, что это была лучшая роль Георгия Юматова. Начальство приняло фильм плохо. Но я показал картину ветеранам нашей разведки. Поэтому положить ее на полку чиновники не решились. Но запретили всю рекламу. Тем не менее фильм имел громадный прокатный успех.

– Сравнительно недавно прошла ретроспектива ваших фильмов в Америке. Как их воспринимали американцы?

– Они воспринимали мои фильмы просто прекрасно. Ретроспектива проходила в Кеннеди-центре. Я вспоминаю, как после “Республики ШКИД” ко мне бросались люди с благодарностями, а после “Возвращения броненосца” толпа меня провожала несколько кварталов до отеля, устроила стихийный пир в вестибюле. Американцы очень непосредственные люди. В конце “Броненосца” звучит марш, и зал до конца титров подпевал ему хором. Наша публика на это не способна. Может быть, потому, что живет более суровой жизнью.

Беседу вел
Павел ПОДКЛАДОВ

Фото Бориса КРЕМЕРА

Кинобизнес – 2005 – 27-28 июля 8-18